

9. Бреева Т. Н. О диалогической природе литературно-критических работ М. А. Волошина // Международная научная конференция «Языковая семантика и образ мира», Казань, 7-10 октября, 1997. http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv-97/n182.htm
10. Волошин М. А. Автобиографическая проза «история моей души» // Путник по вселенным. М., 1990. С. 18.
11. Волошин М. А. В. Я. Брюсов «Пути и перепутья» // Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1989. С. 415.
12. Волошин М. А. Письмо из Парижа. Слевинский // Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1989. С. 231.
13. Волошин М. А. Письмо из Парижа. Морис Дени // Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1989. С. 232.
14. Волошин М. А. Письмо из Парижа. Парижские салоны // Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1989. С. 229.
15. Бреева Т. Н. О диалогической природе литературно-критических работ М. А. Волошина // Международная научная конференция «Языковая семантика и образ мира», Казань, 7-10 октября, 1997. http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv-97/n182.htm
16. Касьянова Д. Литературные портреты писателей Серебряного века. http://www.gelga.rsu.ru/avt/kasianova_d.htm-3K-11.04.2002
17. Там же.

*Ольга Владимировна БАДРЫЗЛОВА —
аспирантка кафедры русской
литературы филологического
факультета*

УДК 821.161.1.09+81.252.2.25

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ В. РАСПУТИНА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (ПОВЕСТЬ «ЖИВИ И ПОМНИ»)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема адекватности перевода художественного текста и анализируется повесть В. Распутина «Живи и помни» в переводе Е. Арндта на немецкий язык.

The article deals with the problem of adequate translation of the belles-lettres text. The material of the analysis is V. Rasputin's story «Live and Remember» translated into German by E. Ahrndt.

Огромную роль в реализации художественного замысла произведений В. Распутина играют реалии крестьянского быта и использование местной, народно-диалектной лексики и фразеологии. Писатель-сибиряк, В. Распутин, пишет на том языке, на котором говорят его земляки.

«Мои сибиризмы, — признается он в одном из интервью, — это моя терминология... Когда я учился в университете, я заставлял себя ломать привычный мне язык, стремился подыскать другие слова, но для меня это было все равно, что учить немецкий или французский и, главное, думать на другом, незнакомом для себя языке. Меня частенько одергивали, иногда довольно резко, но, как видите, исправить не удалось... Может быть, я иногда излишне пользуюсь сибирскими словечками, диалектами, но, поверьте, это не нарочитость, это мои слова. Я думаю на этом языке и, естественно, пишу на нем» [2: 14].

Использование особенностей сибирской местной речи у В. Распутина — это не эпизодическое, разовое обращение литератора к говорам как постоянному стилис-

тически обновляющему источнику литературного языка, это — ведущий художественный прием создания текста.

Поэтому немецкие читатели, успевшие привыкнуть к излишней простоте и скудности лексического материала, столкнувшись с блестящим переводом произведений В. Распутина, очень часто жалуются на сложность и порой на невозможность восприятия текстов [8:103]. Однако их жалобы не оправданы, поскольку те же самые упреки можно было бы отнести и к целому ряду произведений немецкой литературы. Достаточно лишь вспомнить Ф. Ройтера, пишущего на диалекте, А. Хольца, А. Шмидта, умело экспериментирующих с языком, Е. Велька, Х. Фаллада, чьи произведения переполнены лексикой, никак не относящейся к литературному немецкому языку.

Кроме того, убери из текстов вышеперечисленных авторов все виды ненормативной лексики, как они тут же потеряют свою оригинальность и художественную ценность. Поэтому, стремясь максимально облегчить восприятие текста, переводчик ни в коем случае не должен упрощать и освобождать его от всего непонятного. Ему следует научиться, в первую очередь, находить те потаенные смыслы, которые автор оригинала хотел донести до своего читателя, а уж затем воспроизводить их на другом языке.

Перевод, таким образом, должен быть, прежде всего, творческим актом по переводу основного авторского замысла при сохранении максимальной точности перенесения тематических и языковых информации. То есть для создания адекватного подлиннику эмоционального воздействия на читателя необходимо учитывать лежащую за текстом реальную ситуацию [3:22]. Только в этом случае можно добиться воссоздания средствами национального языка такого же гармоничного целого, какое представляет собой подлинник.

Одним из самых трудных моментов, с которым сталкивается переводчик при работе с произведениями В. Распутина, является проблема передачи русских реалий.

Под реалией понимают «слово (или словосочетание), называющее объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и (или) исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [4: 47].

Реалии как элемент национального колорита воспринимаются лишь в переводе, но никак не в оригинале, где их национальная окраска не ощущается, и потому они не бросаются в глаза, не задерживают внимания читателя как нечто незнакомое, экзотическое.

Поэтому основное внимание в настоящей статье нам бы хотелось уделить выявлению возможностей адекватного перевода русских реалий, диалектизмов и фразеологизмов, присутствующих в повести В. Распутина «Живи и помни».

«Живи и помни» была переведена на немецкий язык Ерихом Арндтом и впервые опубликована в 1976 г. издательством «Фольк унд Вельт» в сборнике, куда, кроме нее, вошли также повести «Деньги для Марии», «Последний срок» и рассказы «Василий и Василиса», «Уроки французского». Позднее, в 1980 г., повесть была повторно предложена немецкому читателю, но уже отдельным изданием.

Проявления местной сибирской речи в «Живи и помни» многочисленны и разнообразны. Они затрагивают все ярусы языка. Это и лексические, и семантические, и фразеологические диалектизмы [5:24]. Местный колорит окрашивает речь всех персонажей повести.

Речь Настены:

«Если бы не он, давно бы всех коней порешили. Он один только и смотрит. Тоже сдал. Кряхтит все, устает сильно. А тут еще я его позавчера оглушила. /.../ Подпис-

ка была на заем. Я сдуру и бухнула: две тыщи. Куда как простая: не пожалела, чего нет» (С. 217).

«*Ohne ihn wären längst alle Pferde hin. Er ist der einzige, der sich um sie kümmert. Ist alt geworden, derweil du fort warst, ächzt in einem fort, 's geht tüchtig bergab mit ihm. Und ich geb ihm vorgestern noch so einen Brocken zu schlucken. /.../ Anleihezeichnung war, und ich schieße verrückterweise raus: zweitausend. War in meiner Einfalt großspurig mit dem, was ich nicht hatte*» (S. 381).

Просторечные выражения и обороты были удачно заменены разговорными немецкими формами: «порешили» – «*wären hin*» (пропали бы); «я сдуру и бухнула» – «*ich schieße verrückterweise raus*» (я сдуру и выпалила); «куда как простая» – «*war in meiner Einfalt großspurig*» (отнеслась по своей простоте самонадеянно).

Смысл выражения «а тут еще я его оглушила» воспроизводится Е. Арндтом при помощи фразеологического оборота «*j-m einen Brocken zu schlucken geben*», который был необходим ему, чтобы доказать, насколько внезапным и неправдоподобным оказалось известие Настены.

Речь Андрея:

«Черт с ним, с бельем... я тебе сейчас скажу, что перво-наперво понадобится. Завтра отдохни, выспись, а послезавтра переправь-ка сюда мою «тулку», пока меня зверь не загрыз. Живая она? /.../ Спички там, соль, какую-нибудь посудину для варева. Сама сообразишь, что надо. Провиант к патронам у отца поскреби, да только так, чтобы не заметил» (С. 188).

«*Pfeif auf die Wäsche... Ich will dir sagen? Was ich am dringsten brauche. Morgen ruh aus, schlaf dich aus, und übermorgen schaff mir meine Tulaer her, bevor mich die Tiere anfallen. Die Flinte exestiert doch noch? /.../ Dann Streichholzer, Salz, einen Topf zum Kochen. Weißt selbst, was not tut. Pulver für Patronen knaps Vater ab, aber so, daß er's nicht merkt*» (S. 344).

Прекрасное знание русского и немецкого языков помогает переводчику в преодолении различных ловушек при переводе сибирских просторечий. «Моя тулка» передается немецким диалектным словом «*meine Tulaer*», которое уже в следующем предложении заменяется на общеупотребительное «*die Flinte*» (ружье); «живая она» — «*exestiert doch noch*» (существует, живет еще); «провиант к патронам» — «*Pulver für Patronen*» (порох к патронам); «поскреби» — «*knaps...ab*» (урви).

Или еще: «Ни одна собака не должна знать, что я здесь. Скажешь кому — убью. Убью — мне терять нечего. /.../ И никто: ни мать, ни отец — не должен обо мне знать. Не было меня и нету» (С. 186).

«*Kein Aas darf wissen, daß ich hier bin. Verrätst du mich — ich schlag dich tot. Ja, tot! Ich hab nichts mehr zu verlieren. /.../ Und niemand — auch die Eltern nicht — darf ein Sterbenswörtchen erfahren. Ich war nicht hier, und Schluß*» (S. 341).

Для сохранения эмоционально-экспрессивной насыщенности речи Андрея, пытающегося запугать Настену, переводчик прибегает к использованию разговорного, граничащего с ругательством выражения «*kein Aas darf wissen*» (*das Aas* — падаль, стерва) — «ни одна собака не должна знать» и использованию приема усиления эффекта высказывания, достигающегося за счет фразеологического оборота «*kein Sterbenswörtchen erfahren*» (не узнать ни единого слова), отсутствующего в исходном тексте.

Местная сибирская речь, окрашенная диалектизмами, свойственна не только главным героям повести, но и всем персонажам, живущим в деревне Атомановка.

Так, специфика речи матери Андрея осознается уже самим писателем: «Мать была из низовских, из-под Братска, где цокают и шипят: «крыночка с молоцком на полоцке», «лешу у наш много, жимой морож». На Ангаре всего несколько деревень с таким выговором» (С. 279).

«*Die Mutter stammte von unterhalb, aus der Bratsker Gegend, wo man die S-Laute zischelte: «Kanscht dir Milch ausch 'm Topf eingieschen», «Letschten Schommer gabsch viel Piltsche». An der Angara haben nur wenige Dörfer diese Aussprache*» (S. 461).

В силу того, что немецкая аффриката - tʃ -, дающая похожий на русский звук -ч -, в немецких словах встречается довольно редко, то проблемы «цоканья» в немецком языке как таковой не существует и, следовательно, не упоминается переводчиком. Особый же выговор Семеновны Ерих Арндт объясняет лишь манерой шепелявить (*zischeln*). Придерживаясь данного объяснения, он и в дальнейших высказываниях матери Андрея сохраняет звуковую адекватность фраз, например:

«**Шуцка!** — выкрикнула потом она, и Настена не сразу поняла, что это «сучка». /.../ **Шуцка!** Ой-е-е-ей!- заголосила она, хватаясь за голову. /.../ **Ешь**, говорит. Будто так и надо. Не подавитша штыдом – нет. Не кошка ли ты? Не кошка ли ты, пакоштливая, блудливая? /.../ **Брышь!** Брышь из дому, блудня! **Штоб** духу твоего тут поганого не было. **Уметайша** немедленно! Где была, туда и беги. Андрюшка придет – це мы ему скажем?» (С. 348).

«*Mischtschtück!* — *brüllte sie dann, und Nastjona begriff nicht gleich, das sollte «Miststück» heißen. /.../ Hure! O-o-o-o!* — *heulte sie und griff sich an den Kopf. /.../ Doch, spricht schie. Alsch obsch scho schein musch. Anstatt vor Schande zu erschrecken – aber nein. Bischt wohl eine Katsche? Eine dreckige, buhlerische Katsche? /.../ Kschsch! Rausch ausch dem Hausch, Buhlerin! Hier ischt kein Platsch für läschterliche Dirnen! Scher dich! Lauf hin, wo du geweschen bischt. Wasch schagen wir blosch Andrüsckka, wenn er kommt?» (S. 552).*

Речь Семеновны представляет собой весьма своеобразную лексическую систему, которая, беря за основу диалектную лексику, изменяет ее почти до неузнаваемости путем «цоканья» и «шипения». Высокую экспрессивность высказывания переводчик передает формами просторечной лексики, стараясь найти те слова, в которых бы присутствовал звук -s-: «*Mischtschtück*» вместо «*Miststück*» (отвратительная личность, отвратительный тип); «*Alsch obsch scho schein musch*» вместо «*Als ob's so sein muß*» (Как будто так и должно быть).

Таким же образным, диалектно-просторечным языком изъясняется Михеич, отец Андрея, представитель старшего поколения:

«Вот тебе, дева, следовало бы за это кой-чего оторвать. Чтоб думала маленько, а не кидалась сломя голову незнамо на что. Кому ты их продашь, кому они нужны?! Солнышко-он ходит. «В темноте светятся», — озлился он, вспомнив, что выставляла Настена козырем для часов и сплюнул. — А на что он мне, этот свет? — **Вшей при нем бить?»** (С. 294).

«*Dir sollt man lieber was zeigen, Mädcl. Damit du'n bißchen nachdenkst, statt holterdiepolter auf sonst was zu verfallen. Wem willst du sie verkaufen, wer brauchst so was?! Da oben steht die Sonne. Von wegen: Im Dunkeln leuchtet sie*, — *erboste er sich beim Gedanken daran, welchen Trumpf Nastjona für die Uhr ins Feld geführt hatte, und spie aus. «Was soll ich mit dem Licht? Läuse dabei knacken?» (S. 481)*

Просторечное выражение «следовало бы за это кой-чего оторвать» воссоздается переводчиком более нейтральной разговорной формой, выражающей угрозу: «*Dir sollt man lieber was zeigen*» (тебе, следовало бы, показать). Фразеологизм, указывающий на бесполезность вещи, «вшей при нем бить» был удачно передан эквивалентным по смыслу выражением «*Läuse dabei knacken*». Смысл же другого фразеологического оборота «сломя голову», не смотря на то, что в немецком языке существует его эквивалент «*Hals über Kopf*», Е. Арндт почему-то передает словом «*holterdiepolter*», которое на русский язык переводится междометием «трах!», «бац!».

С индивидуализированной окраской передается в повести и речь Надьки, подружки Настены, оставшейся одной с тремя детьми: «Не мог мой паразит живым остаться. /.../ Наклепал ребятишек и ... смертью храбрых. А что с его храброй смертью я теперь делать буду? Их, что ли, кормить? /.../ Кто теперь меня возьмет с этим табором? А мне только двадцать семь годов. Двадцать семь годов — и все, отжила. Пропади оно все пропадом!» (С. 227).

«Und meiner konnte nicht am Leben bleiben. /.../ **Hängt mir die Kinder an und fällt als Held. Was hab ich nun von seinem Heldentod? /.../ Wer nimmt mich denn noch mit der Bagage? Dabei bin ich erst siebenundzwanzig. Siebenundzwanzig — und aus der Traum, vorbei. Zum Teufel mit so einem Leben!**» (S. 394).

Эмоционально-экспрессивные выражения Надьки воссоздаются переводчиком немецкими разговорными формами: «наклепал ребятишек» — «*hängt mir die Kinder an*» (наделал мне детей); «кто возьмет меня с этим табором» — «*Wer nimmt mich mit der Bagage*» (кто возьмет меня с этим багажом). Высокая же экспрессивность всего высказывания, несмотря на опущения в переводе таких стилистически окрашенных выражений, как «паразит», «их, что ли, кормить», достигается благодаря использованию яркого по эмоциональности выражения «*Zum Teufel mit so einem Leben!*» (К черту такую жизнь!).

Или вот еще одно довольно трудное для понимания и перевода высказывание Надьки, обращенное к Настене: «**Пи-пи-пи-и**» — не своим голосом запела Надька и ахнула: — «Заправду, че-ли? Ты откуль его взяла? Погоди-ка, погоди-ка. /.../ Это че на белом свете деется? И верно, видать. А никто ниче... Ты откуль его взяла? Ну, утварила-а! Вот это пикулька — свистулька! Засвистит, засвистит! Нич-че себе! Кто это тебя?» (С. 351).

«**Mei-mei-mei-i**» — *piepte Nadka unnatürlich hoch und staunte: «Ist das wirklich wahr? Wo hast du's her? Moment mal. /.../ Ja, hat die Welt denn so was schon gesehen! Es stimmt, man sieht's. Und keiner hat's gemerkt. Wo hast du's her? So'ne Geri-iebene! Das ist dir ja ein Ding mit Pfiff! Mit Pauken und Trompeten! Einwandfrei. Sag, wer hat dir...»* (S. 555).

Эмоциональная напряженность высказывания, передающего любопытство и удивление героини, воссоздается Е. Арндтом путем использования, вслед за автором оригинала, несложных грамматических конструкций, придающих определенный темп высказыванию; повторов: «Ты откуль его взяла?» — «*Wo hast du's her?*»; междометий «Пи-пи-пи-и» — «*Mei-mei-mei-i*»; растягиванию гласных: «утварила-а» — «*Geri-iebene*»; стилистически окрашенных фраз: «Ну, утварила-а! Вот это пикулька — свистулька! Засвистит, засвистит! Нич-че себе!» — «*So'ne Geri-iebene! Das ist dir ja ein Ding mit Pfiff! Mit Pauken und Trompeten! Einwandfrei*».

Кроме того, речь распутинских персонажей изобилует множеством пословиц, поговорок и изречений — отпечатков, проверенных вековым опытом народа истин. Благодаря этим средствам художественной выразительности, идущим из фольклора, создается эффект непосредственной близости читателя с народом, его привычками, традициями и устоями. Поэтому интересно было бы проследить, как Е. Арндт воссоздает эту неповторимую, близкую народотворческой традиции, поэтику повести.

В связи с возникновением при переводе народных изречений определенных трудностей, он идет двумя путями. В первом случае используются эквивалентные немецкие поговорки и пословицы, обладающие той же смысловой информацией, что и русские, например:

«... с волками жить — по-волчьи выть» (С. 229) — «*Man muß mit den Wölfen heulen*» (S. 392);

«...это походило /.../ на вечное вышибание клина клином» (С. 228) — «*...ewig trieb er so den Teufel durch Beelzebub aus*» (S. 396);

«На чужое счастье не наглядисься» (С. 229) — «*Fremdes Glück ist nicht zum Sattsehen*» (S. 397);

«... раз на раз не приходится» (С. 251) — «*...das eine Mal war nicht wie das andere*» (S. 425);

«Не все коту масленица» (С. 233) — «*Dann läufst du mit zwei wunderhübschen Veilchen rum*» (S. 403);

«Видно придется испить свою горькую чашу до дна» (С. 259) — «*Sie würde den bitteren Kelch wohl bis zur Neige leeren müssen*» (S. 435).

Во втором случае, не найдя подходящего по смыслу немецкого эквивалента или же не поняв смысловой нагрузки русской пословицы, автор перевода прибегает к использованию нейтральных фраз, которые, к сожалению, не всегда раскрывают в контексте значение исходной пословицы и тем самым наносят некоторый урон качеству перевода.

«Неси дрова да затопляй печку. И не вздумай мне удрать. Ишь, запечалился, в какую сторону лыжи наострить. Дома весь вечер будешь сидеть – так и знай» (С. 229). – «*Hol Holz und heiz den Ofen. Und untersteh dich, dich zu verdrücken. Hast wohl schon nachgebrütet, wie du's am besten anstellst. Du bleibst heut abend schön zu Hause, daß du's weißt!*» (S. 397). (...как это получше устроить.)

«Надеяться было не на кого. /.../ Как ни старалась Надька, а концы с концами не сходились. Дополнительный хлеб /.../ она выбирала еще зимой, а дальше билась, билась ото дня ко дню, и все не хватало – ни поесть, ни одеться» (С. 230). – «*Hoffen durfte sie auf niemand. /.../ Sosehr sich Nadka mühte, es wollte und wollte nicht reichen. Die Getreidezuteilung /.../ hatte sie schon im Winter genommen. Seitdem quälte sie sich, quälte sich von einem Tag zum anderen, und doch hatten sie weder genug zu essen noch anzuziehen*» (S. 399). (Как бы Надька ни старалась, а все никак не хватало).

«Четыре года мы прожили вместе. Плохо ли, хорошо ли, но вместе. Да четыре года война. Тоже одной веревочкой были связаны, хошь и за тыщи верст» (С. 254). – «*Vier Jahre haben wir zusammen gelebt. Gut oder schlecht, aber zusammen. Dann vier Jahre Krieg. Auch da warn wir verbunden über Tausende Werst*» (S. 429). (Даже там, за тысячи верст, мы были связаны).

«В какой-то подходящий момент ей захотелось открыться свекру, что она беременна, чтобы избавиться заодно и от этого, самого трудного страха перед будущим разоблачением. Семь бед – один ответ» (С. 297). – «*In einem passenden Augenblick wollte sie dem Schwiegervater ihre Schwangerschaft eingestehen, um zugleich auch die schlimmste Angst, die vor der künftigen Entlarvung, loszuwerden. Dann hätte sie es hinter sich*» (S. 485) (Это было бы уже позади).

«Нет, в каждом из них с руками – ногами на одного сидит все же не один человек – несколько: вот и тянут его в разные стороны, разрывают на части, пока не сведут в могилу. А он-то, бедный, еще говорит, что чужая душа – потемки, будто хоть немножко знает свою» (С. 338). – «*Nein, in jedem Menschen waren mit Händen und Füßen noch mehrere andere verkrallt – sie zerrten an ihm nach verschiedenen Seiten, rissen ihn in Stücke, um ihn dann ins Grab zu senken. Da sagte er, sie sollte sich nur auf sich selbst besinnen. Der Ärmste – konnte er's denn?*» (S. 538). (А он говорит, что она должна помнить только о себе. Бедненький, а сам-то он это может?).

Приведенный пример является именно тем случаем, когда переводчику не удалось распознать истинный смысл русской пословицы, вследствие чего и произошло искажение смысловой информации всего высказывания.

Кроме пословиц и поговорок, в первичном тексте встречаются также сюжеты русских сказок, обращение к которым указывает на связь героя с народными традициями, на его духовные связи с семьей, домом, родиной.

«Значит, как катился колобок, так пускай и катится, пока не остановят. Какую только, интересно, она станет петь песенку? Где был метен – скребен, от чего ушел, к чему пришел? Но это потом, потом... успеется, споеется» (С. 259).

«*Mochte das Leben in ihr nur unaufhaltsam weiterwachsen, bis man sie zur Rede stellte. Mit welchen Ausflüchten konnte sie sich wappen? Wie und wo sie den Vater ihres Kindes getroffen hatte, warum er wieder fortgegangen sei, wozu er überhaupt dagewesen war. Doch damit hatte es noch Zeit; später würde ihr schon noch etwas einfallen*» (S. 435).

Переводчик проигнорировал обращение к сказке, как к одному из фольклорных жанров, и воспроизвел данный эпизод при помощи всего-навсего стилистически нейтральных фраз, сохранив при этом, однако, смысл высказывания:

«Какую только, интересно, она станет петь песенку?» – «*Mit welchen Ausflüchten konnte sie sich wappen?*» (Какими только отговорками она может вооружиться?);

«Где был метен – скребен, от чего ушел, к чему пришел?» – «*Wie und wo sie den Vater ihres Kindes getroffen hatte, warum er wieder fortgegangen sei, wozu er überhaupt dagewesen war.*» (Как и где она встретила отца ее ребенка, почему он снова ушел и, вообще, зачем приходил).

Довольно часто в оригинале встречаются упоминания и о русских народных праздниках, которые со стороны переводчика не остались без должного внимания и были переданы им либо при помощи развернутого описания:

«... в крещенские морозы...» (С. 185) – «...*in einer kalten Januarnacht...*» (S. 340) (в одну из морозных январских ночей), либо при помощи использования эквивалентного по смыслу немецкого праздника:

«... сразу после **покрова**, когда прибрались в полях и огородах» (С. 226) – «...*gleich nach Maria Schutz und Fürbitte, als man Felder und Gärten in Ordnung brachte*» (S. 399);

«Помнишь на **Ильин день** косили мы с тобой за речкой» (С. 340) – «*Weißt du noch, am 20. Juli, am Eliastag, mähten wir beide am anderen Ufer*» (S. 540).

Особую, однако, трудность, с нашей точки зрения, представляет перевод местных реалий крестьянского быта, поскольку даже носителю языка исходного текста не всегда под силу без толкового словаря понять значения этих слов, не говоря уж об иностранных реципиентах.

Для определения адекватности перевода в таких случаях нами был использован «Словарь русских говоров Среднего Урала». В результате чего можно утверждать, что Е. Арндту не всегда правильно удается понять и перевести сибирские реалии, например:

«Настена быстро собралась, сменив обутые утром **чирки** на **катанки**, а **фуфайку** – на **плюшевую жакетку**, и мимоходом стыдливо заглянула в зеркало» (С. 241) – «*Rasch war Nastjona umgezogen, hatte ihre Hausschuhe gegen Filzstiefel vertauscht, die Strickjacke gegen ihr Plüschmäntelchen, und blickte nun verschämt in den Spiegel*» (S. 412);

«Отец приближался; он был в **фуфайке**, перехваченной ремнем, в ватной самошитой шапке с подвернутыми наверх ушами и в **ичигах**» (С. 281) – «*Der Vater näherte sich. Er trug eine mit einem Riemen umgürtete Wolljacke, eine selbstgenähte wattierte Mütze mit hochgeschlagenen Ohrenklappen und leichte Sommerstiefel*» (S. 464);

«... как стянул у порожка **валенки** и стал раздеваться» (С. 188) – «...*wie er an der Schwelle die Filzstiefel abstreifte und die Unterwäsche abtat*» (S. 343);

«Она ушла в **куть** и тут же вернулась» (С. 237) – «*Sie verschwand in die Küche, doch gleich darauf kam sie zurück*» (S. 408);

«Куриц, понятно, порешили сегодня, но **соленые ельцы** достояли с лета и береглись скорей всего специально для этого случая, как и самогонка...» (С. 232) – «*Die Hühner hatten sie natürlich heut geschlachtet, aber gesalzener Döbel war noch vom Sommer da, gewiß speziell für diesen Anlaß aufgespart, ebenso der Selbstgebrannte...*» (S. 401).

В толковом словаре русских говоров «фуфайка» означает куртку, утепленную ватой. Несмотря на то, что в немецком языке существует эквивалент этому слову «*Wattejacke*», Е. Арндт переводит его в первом случае как «*Strickjacke*» (вязаная кофта), и во втором – как «*Wolljacke*» (шерстяная кофта).

Искажение смысла произошло также и при передаче диалектных названий сибирской обуви:

— «чирки» (башмаки, шаркуны) – «*Hausschuhe*» (домашние тапочки);

— «ичиги» (сапоги без каблуков из мягкой кожи, в некоторых деревнях – меховые сапоги, ичиги обычно носят с галошами) — «*leichte Sommerstiefel*» (легкие летние сапоги).

В остальных, найденных нами случаях, сибирские реалии, чуждые немецкому народу, были воспроизведены совершенно адекватно:

- «катанки» (валенки) — «*Filzstiefel*» (валенки);
- «валенки» — «*Filzstiefel*»;
- «куть» (угол крестьянской избы, стряпная за занавеской, за перегородкой) — «*Küche*» (кухня);
- «соленые ельцы» (мелкая речная рыба семейства карповых) — «*gesalzener Döbel*» (речная рыба семейства карповых).

Таким образом, перевод повести В. Распутина «Живи и помни», выполненный Ерихом Арндтом, в большинстве случаев добросовестно следует за русским текстом. В целом он содержит ту же смысловую информацию, которую несет в себе подлинник. При выборе языковых и тематических средств переводчик руководствуется, прежде всего, стилистическими свойствами оригинала.

Колоритная сибирская речь, наполненная местными реалиями, диалектизмами и просторечными выражениями, передается им, за исключением некоторых случаев, упомянутых выше, эквивалентными формами, которые не нарушают стилистической тональности текста принимающего языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распутин В. Г. Живи и помни: Повести и рассказы. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 464 с.
2. Rasputin V. Leb und vergiß nicht (übersetzt von Erich Ahrndt)/ Valentin Rasputin Leb und vergiß nicht: Novellen, Erzählungen. Berlin: Volk und Welt, 1977. S. 329-576.
3. Бархударов Л. С. Что нужно знать переводчику // Тетради переводчика. Вып. 15. 1978. С. 18-22.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. 342 с.
5. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981. 111 с.
6. Распутин В. Г. Очищение человека // Неделя. 1977. № 36. С. 12-17.
7. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. I-V тт.
8. Reschke T. Valentin Rasputins «Abschied von Matjora» Versuch einer Übersetzungsanalyse // Neue deutsche Literatur. 1980. № 7. S. 103-110.

